

Для детской книги характерна поэтика катарсиса, концепция нравственного очищения. Предупреждая детские фобии, детская книга становится оберегом психического здоровья своих читателей. Сегодня терапевтический аспект ярко выражен в детской юмористике, на волне которой создаются маленькие шедевры смеховой культуры детства (Татьяна Стамова «Расклеяшки афиш», Станислав Востоков «Сэры и драконы» и др.).

Веселый и ровный характер книги детства раскрывают, как минимум, две типологические черты: гедонизм и ориентацию на адресата. Как видим, современная детская литература, если и зависима от литературы взрослой, то эта зависимость носит условный характер. Литературная ситуация сегодня позволяет говорить о самостоятельности детской литературы, которая осваивая опыт нового жанрового мышления, способна осмыслить традиции детской смеховой культуры. У детской литературы есть свои открытия, которые нуждаются в научном осмыслении, жанры, которые требуют обновления. Определение области исследования детской литературы как «боковой ветви литературоведения, питающейся от литературных корней» сохраняет актуальность. Достоинствами являются культурологический контекст понимания детства и педагогический процесс достижения этого понимания: «юмор, игра воображения и иллюстраций» – от всего этого дети получают немалое удовольствие [10, с.20-26]. Краски, красочная гамма, рисунок надолго запечатлеваются в детских душах. А главное – сложившийся «педагогический круг» детских писателей, которые «способны сочетать интонацию детскости со светлым веселым и добрым состоянием души». Только в этом случае можно стать другом ребенку-читателю.

Библиографический список

1. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений. Т.2, – Москва, – 1953.
2. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений. Т.10, – Москва, – 1956.
3. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений. Т.4, – Москва, – 1954.
4. Маршак, С. Театр для детей // Маршак С. Собрание сочинений. Т.6. – М., – 1971.
5. Устав Союза советских писателей СССР // Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934 года: Стенографический отчет. – М., – 1934 [1990].
6. Будьте добры : Беседа с Э. Мошковской. (Вела Т. Альшуль) // Московский комсомолец. – 11 сентября 1971 г.
7. Барто, Агния. Немного о себе // Барто Агния. Собрание сочинение: В 4 т. Т. 4. – М., – 1984.
8. Арзамасцева, И.Н., Николаева, С.А. Детская литература.
9. Гайдар, А. Воспитание мужества // Гайдар А. Собрание сочинений: В 4 т. Т.1. – М., – 1995.
10. Новые детские книги. – 1923. – №2.

Хомич Э.П., кандидат филологических наук

Кузнецова А.С., студентка 5 курса филологического факультета

Алтайский государственный педагогический университет

г. Барнаул

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ПОДХОД СОЗДАНИЯ ХРОНОТОПА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЕЛЕНА ОЖИЧ «СТАРЫЙ ГОРОД»)

Известно, что постмодернизм уже в 1980-е гг. стал претендовать на выражение общей теоретической надстройки современного искусства, философии, науки, политики, экономики, моды [4]. Характерной особенностью данного направления является отказ от серьезности и всеобщий плюрализм. Постмодернистский подход в литературе

заключается в том, что он выполняет функцию проводника нового постиндустриального общества, которое сменяет традиционное индустриальное общество. Для этого нового общества самым ценным является информация, которая содержит в себе механизм реконструкции общественных устоев.

Так, в произведении Е. Ожич «Старый город» мы можем наблюдать искажение хронотопа: происходит внедрение нового времени в старое через экскурсию молодёжи в город стариков, что порождает столкновение представителей двух миров. Герои произведения попадают в Старый город, который содержит в себе информацию о мире стариков, который парадоксален и представлен с помощью приёма стереотипизации «...пустили бесплатный трамвай, в аптеках и магазинах тоже всё абсолютно стали старикам давать. А каждое утро по квартирам врач ходит и тоже совершенно бесплатно измеряет артериальное давление, даёт разные рекомендации и рецепты выписывает» [2, с. 8].

Одним из фундаментальных принципов постмодернизма является отказ от истины. То есть перед читателем предстаёт текст вместо истории. Рассказывание историй – одна из главных мифологем постмодернизма [Руднев]. Обратимся к произведению «Старый город»: повествование ведётся от лица 12-летней школьницы и представлено как сочинение.

Согласно постмодернистскому подходу, данное произведение не отображает реальность, а создаёт новую (иную) реальность. Перед нами история, которая создана в интерпретации текста.

Исследователь И. П. Ильин отмечает: «...постмодернистская мысль пришла к заключению, что все, принимаемое за действительность, на самом деле не что иное, как представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления. Таким образом, восприятие человека объявляется обреченным на «мультиперспективизм»: на постоянно и калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов действительности, в своем мелькании не дающих возможность познать ее сущность» [1].

Важно заметить, что для хронотопа Старого города характерен такой приём как карнавализация (переодевание, превращение). Школьники, попав туда, принимают облик стариков, одеваясь в одежду, которая способна симулировать различные болезни, мешающие нормальному передвижению. Таковыми являются «сидр с песком на спине» – имитатор горба, «ногоскрючители» – имитаторы артроза коленного сустава, «ушезакладыватели» – имитаторы глухоты, «накладки на зубы, чтобы шамкать, и чтобы еда мёдом не казалась. Не забудьте надеть очки и парики. Мальчишки, подойдите, я наклею усы и бороды. Дядька выдал нам, девочкам, по кашёлке, а мальчишкам по костылю...» [2, с. 14].

Хронотоп старого города представлен замкнутым пространством, которое ограничивается, кроме жилых полуразвалившихся домов, проходной, собесом, гастрономом и поликлиникой. Каждый объект данного хронотопа являет собой место коммуникации, средством которой является очередь: «... – очереди вот эти... Что хорошего-то? – Очереди, – снова вздохнул геронтолог, – неизбежны, т.к. являются для граждан пожилого возраста важнейшим средством коммуникации. Ты общаешься со сверстниками через Интернет, а пенсионеры общаются в очереди. Когда-то очереди были везде, и все привыкли в них стоять» [2, с. 32]. Каждый объект хронотопа с одной стороны стереотипизирован, то есть является необходимым для каждого пожилого человека, где он может реализовать определённые потребности изо дня в день. Деканонизация утвердившихся стереотипов становится не только жизненным принципом героев произведения, но и писательским приемом выражения своей точки зрения на мир и место человека в нем. То есть само наличие Старого города являет собой постмодернистскую деконструкцию советского мифа. С другой стороны – объект есть источник информации для молодого поколения, через который происходит познание мира стариков.

Избирая для данного произведения такую форму повествования как путешествие (экскурсия), автор придаёт категориям пространства и времени концептуальное значение. Движение становится главной смысловой характеристикой повести-сказки. Важно заметить, что школьники, попадая в мир стариков, сменяют своё привычное динамическое движение медленным, тяжёлым, болезненным, характерным для представителей данного мира движением.

Хронотоп представлен циклическим временем. Каждый день проходит у стариков одинаково через посещения всех объектов, заполняющих пространство.

Старый город являет собой вымышленный город советского времени, который предназначен для поколения индустриального общества. В свою очередь, жителям данного города чужд мир молодого поколения, они не признают его устои, не ведают, что в нём происходит и т.д.

Что касается молодёжи, то ей открывается принцип познания прошлого через перевоплощение. Школьники оказываются в «шкурах» стариков и познают их мир через такой приём как игра. Через данный приём реализуется один из канонов детской литературы – воспитание читателя: «– Не плохая, в общем, идея, – сказал мой папа, когда узнал об этом. – Побудут школьники полдня старичками, глядишь, и начнут пенсионерам места в общественном транспорте уступать» [2 с. 9]. Постмодернистский герой пытается понять, где он.

В данном произведении мы наблюдаем тот факт, что концептуализм балансирует на грани между идеологией и искусством, критически переосмысливая и разрушая (демифологизируя) значимые для культуры прошлого (прежде всего социалистического) символы и стили: «Среди пальто и шапок обнаружили и другие вещи, о значении которых мы догадались не сразу. К примеру, каждому досталось по серому мешку с песком, довольно увесистому. К мешку были пришиты верёвочные лямки. Мешки походили на вещевые мешки солдат Великой Отечественной войны, которые назывались «сидорами», такие мы в музее уже видели. – Это чё? – спросил Коркин. – Рюкзаки? А внутри чё? Ни карманов, ни застёжек, всё зашито намертво. Это с собой что ли брать? – крикнул он пограничнику» [2, с. 12].

Таким образом, Старый город характеризуется через неприятие, отрицание и в то же время вынужденное посещение: это пространство, где не живёт молодое поколение, где не принимается миропонимание нового времени, присущего героям данного произведения, что порождает столкновение культур.

Существует в пространстве Старого города локус «Тихие Черёмушки», предназначенный для нарушителей законов города: «Кондукторша нагнулась и стала шептать мне в ухо: – Есть тут одно заведение. Там совсем немощные живут, да еще всех бесправочных туда свозят – до выяснения, подлинная ли старость у них или мнимая. А то многие тут хотят бесплатно в трамвае кататься и чтобы валокординчик задарма капали. Приедут на экскурсию, а обратно-то не возвращаются, шмотки Игнатичу на проходной не сдают. А не для них тут все придумано! Вот время придет, тогда и приходи. А пока молодой-здоровый, только на экскурсию добро пожаловать. Один раз тут даже беглый преступник скрывался, мошенник. Его в розыск объявили, а он маскарад надел – и в Старый город, целый месяц искали, кое-как нашли. А если без справки в «Тихие Черёмушки» попадешь, дней пять могут продержать, пока разберутся. Были случаи, – сказала Людка совсем таинственным шепотом. Вообще-то, вечером я собиралась покинуть Старый город. Осмотреть за полдня местные достопримечательности – и ту-ту, «Михаил Светлов», домой к маме и папе. Провести пять дней в каких-то «Тихих Черёмушках» для выяснения моей мнимой старости мне совсем не хотелось» [2, с. 24-25]. Именно сюда и попадает главная героиня. Данный локус имеет двоякое значение. С одной стороны (по слухам) – это тюрьма, где проводят время правонарушителя до выяснения обстоятельств, с другой – это санаторий для престарелых людей. Он является конечным объектом пространства Старого города, который посещает Маша Орликова и разоблачает

как миф о Старых Черёмушках, так и о самом Старом городе: «– Так это, – переминался с ноги на ногу парень, не зная, что сказать в свое оправдание. – Экстрим же. Фильм «Сталкер» смотрели? Там вот тоже в зону с разными аномалиями идут. Про Старый город разное рассказывают, а про «Тихие Черемушки» так и вообще... Ну, я и решил посмотреть. – Разве ж это аномалия? – усмехнулся директор. – Разве ж это невидаль какая, когда старики живут так, как им хочется, совершенно ни в чем не нуждаясь? Аномалия – это когда они живут как-то совсем по-другому: в нужде, в заботе постоянной. Вот вы не поверите, Сергей Петрович, но мы наиболее бодрых наших жителей – ну, не тех, конечно, кто здесь живут, здесь уже – тихий берег, последний приют, – а тех, кто в городе живут, мы даже в загранпоездки отправляем. Не так часто, как хотелось бы, но все же, все же... Кого в Турцию, кого – в Грецию. Ветераны так в Европу все больше стремятся – кто в Польшу, кто в Венгрию, хотя бы побывать напоследок в местах своей боевой славы. Разве ж это плохо? Так и должно быть, Сергей Петрович. Так везде должно быть, не только у нас. Вот зря, конечно, Старый город построили, мое такое личное мнение. Разве для нормальной жизни нужно, как вы сказали, зоны какие-то создавать? Жизнь, она везде нормальной быть должна, для всех – хоть для вас, хоть для меня, хоть для них. Как вернетесь отсюда, так всем и расскажите, чтобы не думали про нас ничего плохого. А пока вас в столярке ждут, так кое-какую мебель подправить нужно» [2, с. 90-91].

Таким образом, автору удаётся воплотить в рамках данного произведения идею взаимодействия двух миров: мира молодого поколения и мира стариков. При этом мир стариков представлен хронотопом Старого города, который чужд главным героям. В то же время происходит процесс познания и осознания другой стороны жизни, которая достигнет каждого из нас. Автор вводит приём карнавализации и позволяет юным героям самовоспитаться через познание трудностей, с которыми им приходится столкнуться во время экскурсии.

Библиографический список

1. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
2. Ожич Е. Старый город: повесть-сказка. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2016. – 96 с.
3. Прохорова Т. Г. Постмодернизм в русской прозе: учебное пособие. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 96 с.
4. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.

Шпильная Н.Н., доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания

Князева А.А., студентка 1 курса филологического факультета

Алтайский государственный педагогический университет

г. Барнаул

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ОБЫДЕННЫМ ЯЗЫКОВЫМ СОЗНАНИЕМ

Основная цель данной работы – выявить особенности интерпретации юридических терминов в обыденном языковом сознании.

Интерпретация – это когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий. Результатом может быть воспринимаемым внешне – в виде произведения или внутренним – «уяснение для себя». Интерпретация является триединством: одновременно процессом (обладающим